



7. Кононов Н. Саратов. М., 2012.
8. Кундера М. Невыносимая легкость бытия / пер. с чеш. Н. Шульгиной. СПб., 2014.
9. Kundera M. Nesnesitelná lehkost bytí. Brno, 2006 // Místní knihovna Lubná. URL: <http://knihovnalubna.wz.cz> (дата обращения: 11.04.2015).

Об авторах

Мария Алексеевна Дмитриовская – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru

Елена Александровна Лазарева – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: elena.lazareva-el@yandex.ru

55

About authors

Prof. Maria Dmitrovskaya, I.Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru

Elena Lazareva, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: elena.lazareva-el@yandex.ru

УДК 81'42:81'367.7

А. Н. Черняков, Т. В. Цвигун

«ГРАММАТИКА ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ» В ИДИОСТИЛЕ ЕГОРА ЛЕТОВА

В аспекте «поэзии грамматики» рассматриваются некоторые стратегии идиостиля Егора Летова, связанные с выражением субъектной позиции в художественном тексте. Анализируется ряд моделей поэтического синтаксиса: субъектно-предикатные отношения, инфинитивное письмо. Устанавливаются некоторые константы поэтической картины мира Егора Летова, характеризующие положение «Я» в мире.

The article discusses several strategies of Egor Letov's idiostyle associated with his subjective position, which is expressed in a literary text. The authors analyze some models of Letov's poetic syntax – subject-predicate relations and the prevalence of infinitives. The article describes certain constants of the Egor Letov's poetic model of the world, characterizing the position of the author's «I» in the world.

Ключевые слова: «поэзия грамматики», поэтический синтаксис, эгоцентрическая поэтика, деперсонализация, рок-поэзия.

Key words: «poetry of grammar», poetic syntax, egocentric poetics, depersonalization, rock poetry.



Языковая категория персональности наряду с модальностью, темпоральностью и временной локализованностью относится лингвистами к числу «наиболее интенциональных» категорий, отражающих «актуальное в данном акте речи отношение обозначаемой ситуации к действительности» [2, с. 151]. Особая значимость персональности для сферы поэтического языка обусловлена тем, что именно здесь устанавливается значимая рамка эстетической коммуникации между автором и читателем: «В лирике... дистанция между "я" первосказавшего "я" текста и "я" биографического автора минимальна... В лирике отношение между буквальным и метафорическим значением "я" оказывается наиболее устойчивым и связанным, поэтому можно считать, что для каждого лирического текста задано отношение между "я" текста и "я" (образа) биографического автора» [4, с. 203]. Как показывает С.Т. Золян, Я поэтического текста и связанное с ним семантическое поле следует трактовать как функцию, переменную, «значениями которой являются различные говорящие в каждом из различных миров-контекстов» [4, с. 214]; благодаря этому семантическая позиция поэтического Я обладает богатой внутренней динамикой, что, в свою очередь, обеспечивает потенциальную открытость его интерпретаций в поле эстетической коммуникации.

Поэтический язык Егора Летова, одного из наиболее репрезентативных представителей русской рок-поэзии 1980–1990-х гг., интересен как пример весьма оригинального (пере)осмысления общих художественных интенций рок-поэзии с позиций персональных стратегий творчества. Говоря о рок-поэзии как художественном феномене, отметим, что данному направлению синтетического (музыкально-поэтического) творчества, особенно в «классический» его период с конца 1970-х по середину 1990-х гг., свойственно подчеркнуто напряженное отношение к самому механизму коммуникативного акта: рок-поэзия стремится к максимально интенсивному выражению авторского Я, причем процесс трансляции (музыкально)-поэтического сообщения в этом случае может быть как опосредованно-дистантным (при прослушивании аудиозаписи), что роднит его с чтением книги, так и непосредственно-контактным (при исполнении на концерте), что сближает такую форму коммуникации с канонической моделью коммуникативного акта. Именно поэтому, а также в силу ряда внешних причин (в первую очередь связанных с существованием рок-поэзии в поле неофициальной, андерграундной культурной формации) в рок-поэзии сформировались две сильные тенденции, прямо влияющие на общую организацию поэтического высказывания, — «эгоцентрическая» (с сильно выраженной позицией Я) и «коллективистская» (с доминантой МЫ)¹.

Творчество Егора Летова, на первый взгляд, целиком укладывается в ту линию рок-поэзии, которая строится вокруг «Я-высказывания»; именно это наделяет летовские песни и стихи выраженной декларативностью: «Цикл закончен — пора по местам! / Победителям выдан похвальный лист / Но при любом госстрое я — партизан / При любом режиме я — анархист» [3], «Я убил в себе государство» [6, с. 215], «Я иллюзорен со всех сторон» [6, с. 185], «Я не верю в анархию!» [3] и мн. др. Между тем наблюдения над «поэзией грамматики» стихов и песен Ле-

¹ См., напр.: [1; 8].



това позволяют увидеть, как в весьма большом количестве случаев поэт последовательно выводит «Я» за пределы текста, деперсонализируя высказывание, в результате чего позиция субъекта становится в полном смысле переменной и может семантически заполняться подстановкой множества референтов. Рассмотрим ряд наиболее показательных грамматических стратегий деперсонализации в поэтическом языке Летова.

(1) Грамматическая «неуверенность» субъекта

В идиостиле Егора Летова, продолжателя языковых экспериментов русского авангарда 1910–1930-х гг.², нередки случаи включения в текст намеренных грамматических девиаций, связанных среди прочего с переосмыслением субъектно-предикатных отношений. Ср.: «Всю дорогу домой / Ему не сиделось / Чем-то в горле тошнило / Чем-то терлось в глазу...»³ [6, с. 41], «А рыжую кошку смотрело в подвал / Должно быть должно быть / Ей виделись там земноводные вещи / И рыжая кошка тянула в подвал / А я все звенел и звенел телефоном...» [6, с. 113], «Вышло время погулять на часок / Да так и не вернулось / Шальное мое беспризорное времечко / Вышло восвояси / Все какое было в наличии / Где его теперь гундосит / Где его теперь гниет...» [6, с. 403], «Давай посмотрим / Давай проверим – куда мы есть / Давай-ка глянем / Давай прикинем – где нам с тобой» [6, с. 516]. Употребление в одном синтагматическом ряду грамматически корректных и аграмматичных безличных конструкций («Ему не сиделось» – «Чем-то в горле тошнило / Чем-то терлось в глазу»), грамматическая инверсия глагольно-личных и безличных конструкций («А рыжую кошку смотрело в подвал» вместо актива «смотрела» – «И рыжая кошка тянула в подвал» вместо пассива «тянуло»), построение безличных конструкций по прецедентной фразеологической модели («Где его теперь гундосит / Где его теперь гниет» – ср. «где его носит») или на эллипсисе, не позволяющем восстановить пропущенную синтаксическую позицию («Давай проверим – куда мы есть... Давай прикинем – где нам с тобой»), – все эти поэтические приемы, несмотря на их собственно лингвистическую несхожесть, обеспечивают один и тот же семантический эффект: действие как бы высвобождается из-под власти субъекта, начинает доминировать над ним, в каком-то смысле аннигилирует субъект, а мир становится неуправляемым и неконтролируемым.

На этом фоне особенно показательным оказывается следующее стихотворение: «С некоторых пор / Чувствую *их его за мной оно* / Дышит в череп – дрожит позвоночник / Вот-вот оглянусь оглянусь / Вдруг как даст по хребтине / В траву падаю, закрывая руками лицо / И смеется / Глядь – нет никого...» [6, с. 31]. Аграмматичная последовательность местоимений *их его за мной оно*, с одной стороны, прочитывается как неспособность субъекта (в данном случае он последовательно выражен местоимением «я») ориентироваться в окружающем мире и дифференцировать его составляющие, с другой – что не менее важно – задает условия для синтаксической двусмысленности: соотносится ли

² См. об этом подробнее: [10; 11].

³ Во всех примерах орфография и пунктуация авторские, курсив наш. – А. Ч., Т. Ц.



глагольная форма «дышит» с местоимением «оно» как сказуемое с подлежащим или же «дышит в череп» — предложение с эллиптически опущенным подлежащим, такое же, как «И смеется»? Разрывающий потенциальную синтагму «оно дышит» enjambement и полное отсутствие знаков препинания в тексте создают условия для того, чтобы названные действия равно могли быть восприняты читателем как связанные и не связанные с субъектом — грамматически и семантически.

(2) Инфинитивное письмо

Егор Летов может быть отнесен к числу поэтов — приверженцев так называемого инфинитивного письма (А.К. Жолковский): количество регулярных инфинитивных серий в его стихах достаточно велико, а ситуации, в которых позиция инфинитива(-ов) своей грамматической многозначностью динамизирует семантическое пространство текста, весьма частотны. Ср.: «Зарыться лбом в одеяло песка / И ни о чем не жалеть / Ни о чем не грустить / Наблюдать замороженно / За неистовым вращением планет и эскалаторов / За упрямым копошением кротов под землей...» [6, с. 304], «Заживо преисполниться святости / Босиком протаптывать пути-дорожки / Радужные тропинки / Отчаянно и сладко пригрезится на горизонте последнему. / Что еще?» [6, с. 328], «Подвязать штаны продолговатым ремешком / И ступать вперед, надеясь / Что была и у тебя / Когда-то / Жизнь как сметана / Жизнь как перина» [6, с. 267], «Убежденно провожать ненаглядные вторники / Капризно вспоминать широчайшие поприща / Метафизические карбованці и арбузные полночи...» [6, с. 285], «Изъять себя из времени / Словно ногу из пыльного тесного стремя / И шагать себе прочь в никуда отовсюду / Не заботясь о том, чтоб залезть вперед батьки / в пунцовое пекло...» [6, с. 416].

Инфинитивное письмо строит художественный прием исходя из самого грамматического потенциала, которым располагает инфинитив: будучи «нулевой» глагольной формой, инфинитив легко впитывает в себя субъектные и модальные смыслы из контекста, в котором он употреблен. К примеру, употребление инфинитива с дательным падежом личных местоимений «корректирует» отсутствие у него собственной субъектной семантики (ср.: *Мне/тебе/ему еще к семинару готовиться*); что же касается модальных значений, то их спектр у инфинитива наиболее широк (приказ: *Всем подготовиться к выходу*; долженствование: *Мне еще с работы возвращаться*; целесообразность: *Вот тут-то себя и проявить* и др.) по сравнению с иными глагольными формами. Специфика же инфинитивного письма состоит именно в подвижности, «переменности» субъектных и модальных семантик, которые формирует контекстное окружение инфинитива и/или вычитывает из контекстов читатель⁴.

Характерной чертой летовского инфинитивного письма становится почти полное отсутствие в контексте лексических или грамматических конкретизаторов (типа: «Босиком по радуге бежать / Солнечные пушки заряжать / Чтобы на исходе дня / Для заката и меня / Не хватило неба и земли» [6, с. 297]), которые позволили бы читателю интерпрети-

⁴ Об особенностях читательского восприятия инфинитивного письма см.: [9].



ровать поэтическое высказывание в аспекте модальных и субъектных семантик; в итоге названные инфинитивами действия равно принадлежат остающемуся за текстом — лексически и грамматически — Я (например, как желаемые или необходимые) и/или адресуются некоему неназванному субъекту (НЕКТО/ЛЮБОЙ) как требуемые к исполнению или рекомендуемые. Действие становится имперсональным (точнее, его персональность зависит от того, как реципиент мысленно заполнит пустую субъектную позицию в каждом конкретном акте слушания/чтения песни/текста), благодаря чему общая акционная семантика глагола выходит на первый смысловой план: «Отныне ненавидеть обязательные даты / (Эти круглые квадратные торжественные даты) / Смертельно ненавидеть эти праздничные даты / (Убивать убивать все эти праздничные даты) / Официально объявленные / Предписанные, обожаемые / Всенародно соблюдаемые пряничные праздники <...> Возненавидеть до гордости / Возненавидеть до святости / Возненавидеть до ночного пожара / Возненавидеть до звериной чистоты» [6, с. 502].

(3) Односоставность или неполнота предложения?

К числу излюбленных поэтических приемов Егора Летова, когда сама «грамматика поэзии» деперсонализирует высказывание при кажущемся наличии в нем субъектных смыслов, следует отнести использование предложений с незаполненной позицией подлежащего и глагольным сказуемым в форме прошедшего времени. Ср.: «Запустил лицо в центр / Ягодной мякоти / Вынырнул / Окровавленным ртом / И опять еще глубже / Волокна трещат / Выливается брызгаясь / Масляный звук...» [6, с. 39], «Засиделся за костром / Не заметил / Поздно ночью / Загорелся сам / Сгорели брови, ресницы, очки / Сгорели волосы / Сгорели губы, язык / Сгорела прозрачная грудь / Сгорели ступни / Лишь руки тихо горят в бархатной темноте...» [6, с. 21], «Спрятаться-то спрятался / Но так неудачно / Никуда не гоже / Что с первого взгляда ну сразу видать / А сам затаился, сидишь и мечтаешь / Хихикаешь / Ух я какой / Неприметный отныне / и присно и во веки веков / Все это называется: "Был таков"» [6, с. 22], «Хмурили брови, / Менялись местами и планами, / Ворочали колеса, хоронили урожаи / В натруженных желудках и мозолистых умах / Деловито увязали в паутине междометий / Пышного многословия / Назойливой болтовни...» [6, с. 359], «Азартно давили прикладами каблуками / Чугунными небосводами, свинцовыми потолками / Топили в блевотине / стильной осенней грязи и кипящих весенних помоях / Рубили сплеча топорами и саблями / Копались штыками в цветастых упругих кишках...» [6, с. 339].

Синтаксическая амбивалентность подобных конструкций состоит в том, что для читателя вопрос о субъекте называемых действий может разрешаться как в плане определенно-личного (с субъектом Я) или неопределенно-личного, так и в плане неполного двусоставного (потенциально — с любым субъектом: Я, ТЫ, ОН, МЫ, ВЫ, ОНИ) предложения. Показательно при этом, что местоимение САМ в двух из приведенных примеров, равно как и глагольные формы 2-го лица в настоящем времени («А сам затаился, сидишь и мечтаешь / Хихикаешь...»)



эту синтаксическую двойственность никак не корректируют: местоимение САМ в русском языке, как известно, свободно употребляется как при 1-м («Я сам это сделаю»), так и при 2-м и 3-м («Ты сам-то как?», «Он сам виноват») лице⁵, а конструкция «А сам затаился, сидишь и мечтаешь / Хихикаешь» является обобщенно-личным предложением, где подстановка субъекта столь же свободна. Аналогичным образом могут быть интерпретированы предложения, «скользящие» между неопределенно-личными и неполными: форма множественного числа у глаголов-сказуемых вовсе не обязательно предполагает здесь позицию неконкретизируемого неопределенно-личного субъекта (типа ОНИ/НЕ-КТО), но исходя из общего поэтического контекста легко может быть понята и как подразумевающая позицию МЫ.

Говоря о предложениях подобного типа (отчасти это относится и к предложениям, реализующим стратегию инфинитивного письма), обратим внимание на одну немаловажную деталь, связанную с характерологическими свойствами рок-поэзии как синтетического жанрового образования. В ряде случаев описанная выше «переменная» субъектность поэтического контекста может нейтрализоваться прагмасемантически путем присвоения высказывания самим говорящим — речь идет об исполнении песни или авторском чтении стихотворения (концертном или на фонограмме), когда само присутствие авторского голоса, интонации, сам факт пения или прочтения того или иного вербального ряда снимает для слушателя вопрос о том, кто мыслится субъектом речи. Например, именно такой эффект производит звучание одной из наиболее известных песен Летова «Непонятная песенка»: «Ни за что, ни про что / На авось, просто так / Грел снежок, тер очки / Не заметил — осень пришла // Так и гнал, так и шел / За собою по пятам / Да все на пятки себе / Упоенно наступал // Через край, через рай / Через раз, через год / Да позабыл про волосы — / Зацепились за забор // Лишь слегка порезался / А оказалось — наповал / Наступил одной ногой — / А в г...не уж по уши...» [6, с. 271]. Впрочем, Летов мастерски играет и на этом ситуативном «присвоении поэтического Я», используя для этого синтагматическую временную протяженность исполняемой песни, когда закрывает «деперсонализированный» глагольный ряд, уже связывающийся в сознании слушателя с «Я исполнителя», иным субъектом, ср.: «Наблюдал предметы, целовал ланиты / Кидал подкидышей, боялся юношей / Закусывал пожаром, запивал наводнением — / Маленький принц возвращался домой // Проигрывал партии одну за другой / Лузгал семечки, вонял как спички / С...ал себе на голову, хватал себя за бороду / Травился звуком, давился дождем // Маленький принц возвращался домой...» [6, с. 276].

Рассмотренные стратегии поэтического языка Егора Летова позволяют сделать некоторые выводы о таком важнейшем фрагменте индивидуально-авторской поэтической картины мира, как позиция субъекта речи. Несмотря на кажущийся декларативный эгоцентризм, поэтика Летова, рассмотренная *sub specie* поэтической грамматики, неожиданно оказывается деперсонализованной во многих своих составляющих; поэтическое Я уходит из высказывания, уступая место обезличенным

⁵ См. подробнее: [5].



действиям-предикатам, в чем отражается общая идеология конфликта Я и мира — и, очевидно, капитуляции Я перед миром. С другой стороны, перед нами поэтическое воплощение некоего общего неверия в язык, в его возможности означивать действительность, о котором Егор Летов говорил в одном из интервью: «Скуден язык. Нищ. "Жалок, наг и убог". Все это создано — все слова, понятия, системы — сам язык — для болтовни, для игры в бисер в лучшем случае. <...> Слова недостойны НАСТОЯЩЕГО языка» [7, с. 49].

Список литературы

1. *Авилова Е. Р.* «Культурный» статус автора в русской рок-поэзии // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Екатеринбург ; Тверь, 2008. Вып. 10. С. 42–47.
2. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
3. *ГрОб-Хроники*: [сайт]. URL: <http://grob-hroniki.org> (дата обращения: 14.09.2016).
4. *Золян С. Т.* Семантика и структура поэтического текста. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
5. *Корепина Н. А.* Семантика слова *сам* // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. №5–6. С. 58–61.
6. *Летов Е.* Стихи. М., 2011.
7. *Летов Е.* Я не верю в анархию. М., 1997.
8. *Нефедов И. В.* Семантическая характеристика личных местоимений в рок-поэзии // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2003. Вып. 7. С. 208–213.
9. *Черняков А. Н.* Латентная оценка в инфинитивном письме // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 8. С. 52–57.
10. *Черняков А. Н., Цвигун Т. В.* Поэзия Е. Летова на фоне традиции русского авангарда (аспект языкового взаимодействия) // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1999. Вып. 2. С. 86–94.
11. *Янкевич М.* «Среди зараженного логикой мира»: Егор Летов и Александр Введенский // Александр Введенский в контексте мирового авангарда. М., 2006. С. 238–259.

Об авторах

Алексей Николаевич Черняков — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: ACHernyakov@kantiana.ru

Татьяна Валентиновна Цвигун — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: TTSvigun@kantiana.ru

About authors

Dr. Alexey Chernyakov, associate professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: ACHernyakov@kantiana.ru

Dr. Tatiana Tsvigun, associate professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: TTSvigun@kantiana.ru